

Лев Николаевич Толстой. Корней Васильев

Книга: Л.Н.Толстой "Воскресение". Роман; Рассказы
Издательство "Художественная литература", Москва, 1984
OCR & SpellCheck: Zmiy (zpdd@chat.ru), 4 октября 2001

I

Корнею Васильеву было пятьдесят четыре года, когда он в последний раз приезжал в деревню. В густых курчавых волосах у него не было еще ни одного седого волоса, и только в черной бороде у скул пробивалась седина. Лицо у него было гладкое, румяное, загривок широкий и крепкий, и все сильное тело обложилось жиром от сытой городской жизни.

Он двадцать лет тому назад отбыл военную службу и вернулся со службы с деньгами. Сначала он завел лавку, потом оставил лавку и стал торговать скотиной. Ездил в Черкасы за "товаром" (скотиной) и пригонял в Москву.

В селе Гаях, в его каменном, крытом железом доме, жила старуха мать, жена с двумя детьми (девочка и мальчик), еще сирота племянник, немой пятнадцатилетний малый, и работник. Корней был два раза женат. Первая жена его была слабая, больная женщина и умерла без детей, и он, уже немолодым вдовцом, женился второй раз на здоровой, красивой девушке, дочери бедной вдовы из соседней деревни. Дети были от второй жены.

Корней так выгодно продал последний "товар" в Москве, что у него собралось около трех тысяч денег. Узнав от земляка, что недалеко от его села выгодно продается у разорившегося помещика роща, он вздумал заняться еще и лесом. Он знал это дело и еще до службы жил помощником приказчика у купца в роще.

На железнодорожной станции, с которой сворачивали, в Гаи, Корней встретил земляка, гаевского кривого Кузьму. Кузьма к каждому поезду выезжал из Гаев за седоками на своей парочке плохоньких косматых лошадей. Кузьма был беден и оттого не любил всех богатых, а особенно богача Корнея, которого он знал Корнюшкой.

Корней, в полушубке и тулупе, с чемоданчиком в руке, вышел на крыльцо станции и, выпитив брюхо, остановился, отдуваясь и оглядываясь. Было утро. Погода была тихая, пасмурная, с легким морозцем.

- Что ж, не нашел седоков, дядя Кузьма? - сказал он, - Свезешь, что ли?

- Что ж, давай рублевку. Свезу.

- Ну и семь гривен довольно.

- Брюхо наел, а тридцать копеек у бедного человека оттянуть хочешь.

- Ну, ладно, давай, что ль, - сказал Корней. И, уложив в маленькие санки чемодан и узел, он широко уселся на заднем месте.

Кузьма остался на козлах.

- Ладно. Трогай.

Выехали из ухабов у станции на гладкую дорожку.

- Ну, а что, как у вас, не у вас, а у нас на деревне? - спросил Корней.

- Да хорошего мало.

- А что так? Моя старуха жива?

- Старуха-то жива. Надысь в церкви была. Старуха твоя жива. Жива и молодая хозяйка твоя. Что ей делается. Работника нового взяла.

И Кузьма засмеялся как-то чудно, как показалось Корнею.

- Какого работника? А Петра что?

- Петра заболел. Взяла Евстигunea Белого из Каменки, - сказал Кузьма, - из своей деревни, значит.

- Вот как? - сказал Корней.

Еще когда Корней сватал Марфу, в народе что-то бабы болтали про Евстигunea.

- Так-то, Корней Васильич, - сказал Кузьма. - Очень уж бабы нынче волю забрали.

- Что и говорить! - промолвил Корней. - А старуха твоя сивая стала, - прибавил он, желая прекратить разговор.

- Я и сам не молод. По хозяйину, - проговорил Кузьма в ответ на слова